

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 1

Сильвия Федеричи

Патриархат заработной платы

Заметки о Марксе,
гендере и феминизме

Гендерные исследования

Сильвия Федеричи

**Патриархат заработной
платы. Заметки о Марксе,
гендере и феминизме**

«НЛО»

Федеричи С.

Патриархат заработной платы. Заметки о Марксе, гендере и феминизме / С. Федеричи — «НЛО», — (Гендерные исследования)

ISBN 978-5-44-482333-9

Возрождение интереса к работам Карла Маркса на фоне социальных и экономических потрясений начала XXI века стало поводом для переосмысления и развития ряда классических марксистских концепций с позиций феминистской критики. Опираясь на марксистскую теорию и методологию как исследовательский базис, Сильвия Федеричи предлагает обратить внимание на гендерные вопросы, недостаточно разработанные немецким философом. В центре внимания Федеричи – проблема неоплачиваемого женского труда, ставшего в конце XIX – начале XX века, по ее мнению, одним из столпов капитализма. Появление семьи, основанной на женском домашнем труде, заложило основы нового неформального договора между полами и нового порядка, который автор называет патриархатом заработной платы. Исследовательница показывает, что классовая борьба может вестись и внутри самого пролетариата, когда мужчины соглашаются занимать внутри семьи (и более широкого сообщества) позицию представителей государства по отношению к женщинам. Сильвия Федеричи – американская ученая, преподавательница и активистка, почетный профессор Университета Хофстра.

ISBN 978-5-44-482333-9

© Федеричи С.
© НЛО

Содержание

Введение	7
1. Контрпланирование из кухни 8	11
Они предлагают нам «развитие»	12
Новое основание борьбы	13
Скрытый труд	15
Отсутствие у нас заработной платы как дисциплина	18
Прославление семьи	19
Разные рынки труда	21
Требования заработной платы	22
Как заставить капитал платить	23
2. Капитал и левые 38	25
Та же старая история	26
Китайская модель	27
3. Гендер и воспроизводство в «Капитале» Маркса 54	30
Маркс и гендер в промышленном цеху	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Сильвия Федеричи

Патриархат заработной платы. Заметки о Марксе, гендере и феминизме

УДК 330.133.8

ББК 65.245

Ф32

Редактор серии М. Нестеренко

Перевод с английского И. Кушнаревой

Сильвия Федеричи

Патриархат заработной платы: Заметки о Марксе, гендере и феминизме / Сильвия Федеричи. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – (Серия «Гендерные исследования»).

Возрождение интереса к работам Карла Маркса на фоне социальных и экономических потрясений начала XXI века стало поводом для переосмысления и развития ряда классических марксистских концепций с позиций феминистской критики. Опираясь на марксистскую теорию и методологию как исследовательский базис, Сильвия Федеричи предлагает обратить внимание на гендерные вопросы, недостаточно разработанные немецким философом. В центре внимания Федеричи – проблема неоплачиваемого женского труда, ставшего в конце XIX – начале XX века, по ее мнению, одним из столпов капитализма. Появление семьи, основанной на женском домашнем труде, заложило основы нового неформального договора между полами и нового порядка, который автор называет патриархатом заработной платы. Исследовательница показывает, что классовая борьба может вестись и внутри самого пролетариата, когда мужчины соглашаются занимать внутри семьи (и более широкого сообщества) позицию представителей государства по отношению к женщинам. Сильвия Федеричи – американская ученая, преподавательница и активистка, почетный профессор Университета Хофстра.

В оформлении обложки использован фрагмент банкноты номиналом 5 немецких марок 1960 г.

ISBN 978-5-4448-2333-9

Patriarchy of the Wage: Notes on Marx, Gender, and Feminism

Silvia Federici

© 2021 PM Press.

© И. Кушнарева, перевод с английского, 2023

© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

Введение

Празднование 150-летней годовщины «Капитала» Маркса показало, что сила политической теории этого философа ничуть не иссякла. Эти торжества объединили ученых, посвятивших свою жизнь изучению его творчества, а также молодых активистов, которых, по-видимому, толкнул к марксизму затяжной кризис капитализма, признаками которого стали почти полный крах мировой финансовой системы в 2008 году, снижение темпов роста и мрачные прогнозы касательно экономических последствий эпидемии COVID, по некоторым предсказаниям, способные оказаться тяжелее Великой депрессии 1929 года.

В феминистской среде также наблюдалось возрождение интереса к Марксу. Частично это было вызвано усилением кризиса социального воспроизводства, а частично – реакцией на постмодернистские тенденции прошлого, которые в силу отказа от широкой социальной теории и акцента на культурном разнообразии подрывали способность нас как феминисток вести критику капиталистических отношений.

Возвращение феминисток к Марксу продемонстрировало, что его методология и критика капитализма остаются необходимым фундаментом для анализа эксплуатации женщин в капиталистическом обществе. Действительно, трудно, даже после перемен, произошедших с капитализмом со времен Маркса, осмыслить современную социальную реальность, не обращаясь к «Капиталу» или к «Экономическо-политическим рукописям». Маркс дает нам язык и категории, необходимые как для анализа капиталистической системы в целом, так и для понимания логики ее воспроизведения.

Феминистки, например, взяли на вооружение Марксов анализ воспроизводства рабочей силы и расширили его, включив туда репродуктивную деятельность, осмысление которой отсутствовало у Маркса, но которая тем не менее играла ключевую роль для извлечения капиталом добавочного труда, так и для воспроизводства классовой борьбы.

Однако не менее, чем антиколониалистская, антирасистская критика Маркса, феминистская перспектива также указывает на ограничения его политической теории. Она показывает, что эта теория основывается на исключаящих концепциях труда и революционных субъектов, в которых игнорируется стратегическая важность домашнего труда в процессе капиталистического накопления, и что она в своем развоплощенном понимании труда преуменьшает сложности, связанные с гендером.

Поэтому данная книга ставит двойную цель. С одной стороны, показать, что это не просто мелкие упущения в работах Маркса. Отдавая приоритет капиталистическому производству и оплачиваемому труду как центральной арене классовой борьбы и оставив без внимания некоторые из важнейших видов деятельности по воспроизводству жизни, Маркс дал нам только частичное представление о капиталистической системе и недооценил ее способность к сопротивлению и мобилизации отдельных секторов пролетариата в качестве орудий расистской и сексистской политики. В частности, недостаточное теоретическое осмысление репродуктивного труда помешало ему предсказать важнейшие изменения в стратегии капитализма, такие как образование новой пролетарской семьи, основанной на неоплачиваемом женском домашнем труде, которая вместе со значительным ростом заработной платы на рубеже XX столетия заложила основы нового, неформального договора между полами и нового патриархального порядка, который я назвала *патриархатом заработной платы* и который умиротворил широкие слои работников-мужчин. Существенная доля классового антагонизма была снята тем, что мужчины могли компенсировать дома – за счет женщин – власть, которую они утратили на рабочем месте.

С другой стороны, в этой книге я стремлюсь выявить те аспекты Марковского анализа, которые оказываются несовместимыми с феминистской антикапиталистической теорией и поли-

тической стратегией, выступающей за устранение неравенства и всех форм эксплуатации. Для выполнения этой задачи я вернусь к ряду вопросов, стоявших в центре феминистских исследований и критики Маркса. Во-первых, это вопрос о «труде» как инструменте капиталистического накопления и поле конфронтации между рабочими и капиталом. Что дало Марксу и его последователям возможность представлять труд как в первую очередь промышленный труд и труд за заработную плату? В статье «Революция начинается дома»¹ я вкратце останавливаюсь на исторической реконструкции процесса, в результате которого в Европе середины XIX века труд за заработную плату стал единственно признаваемой формой труда. Однако основной аргумент, проходящий через всю эту книгу, состоит в том, что феминистская перспектива крайне важна при определении того, что считать трудом, поскольку она показывает то, до какой степени капитализм полагается на неоплачиваемый труд, как он превратил каждый аспект тела и жизни женщины в производственную силу, и то, сколь обширные области труда в капиталистическом обществе несводимы к механизации. Это в свою очередь противоречит вере Маркса в то, что индустриализация резко сократит потребность в труде и освободит нам время для более возвышенных занятий.

Второй ключевой вопрос книги – это вопрос о разделении, которое капитализм создает в мире пролетариата, начиная с дискриминации по признаку гендера и расы. В своих текстах и выступлениях в качестве генерального секретаря Первого интернационала Маркс обличал и патриархальные отношения, и расизм, но мы не встречаем в его трудах серьезного анализа трудовых иерархий, которые капитализм выстроил на протяжении истории, особенно по признаку «расы» или «гендера», и того, какие последствия это имело для понимания путей развития капитализма и классовой солидарности. Здесь феминистская перспектива также играет ключевую роль. Она показывает, что, *подобно расизму и эйджизму, сексизм является структурным компонентом капиталистического развития, что это материальная сила, стоящая на пути любой подлинной трансформации общества, и что он не может быть устранен (вопреки тому, что считали Маркс и Энгельс) за счет того, что женщины пойдут работать на фабрики и будут стоять за станком бок о бок с мужчинами.*

Так же немаловажны утверждения о том, что феминистки должны критически относиться к освободительной роли, которую Маркс и марксистская традиция приписывали науке, промышленности и технологии, развитие которых Маркс называл «историческим призванием» капитализма. Еще важнее для феминисток поставить под сомнение освободительную роль, приписывавшуюся Марксом самому капитализму, который он считал наиболее рациональной организацией труда и производства и высшей формой общественной кооперации². Вместе с игнорированием репродуктивного труда и недооценкой трудовых иерархий и колониальных отношений вера Маркса в то, что капитализм в конечном счете играет «прогрессивную» роль, – это, без сомнения, самый проблематичный аспект его творчества. У социалистов XX века это привело к тому, что капиталистическое развитие стало целью революционного процесса, в точности как на это указывал Ленин:

Реакционная мысль искать спасения рабочему классу в чем бы то ни было, кроме дальнейшего развития капитализма. В таких странах, как Россия, рабочий класс страдает не столько от капитализма, сколько от недостатка

¹ Впервые опубликовано под названием «Революция начинается дома: переосмысляя Маркса, репродукцию и классовую борьбу»: *Revolution Begins at Home: Rethinking Marx, Reproduction and the Class Struggle // Marx's Capital After 150 Years: Critiques and Alternatives to Capitalism / Ed. Musto M. New York: Routledge, 2019.*

² Маркс писал: «Одна из цивилизаторских сторон капитала заключается в том, что он принуждает к этому прибавочному труду таким способом и при таких условиях, которые для развития производительных сил, общественных отношений и для создания элементов высшей новой формы [höhere Neubildung] выгоднее, чем при прежних формах рабства, крепостничества и т. д.» (*Маркс К. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 25. Ч. 2. С. 386.*)

развития капитализма. Рабочий класс безусловно заинтересован поэтому в самом широком, самом свободном, самом быстром развитии капитализма³.

Как и Ленин, вся марксистская традиция постулировала неизбежность и необходимость капитализма как высшей формы общественной организации, поскольку он способствовал росту общественного благосостояния, сокращал время труда и благодаря широкомасштабной индустриализации создавал материальные условия для коммунизма. На деле вместо того, чтобы построить материальные условия для коммунистического общества (как предполагал Маркс), капиталистическая промышленность и технология разрушали землю, создавая в то же время новые потребности. Из-за этих потребностей сегодня трудно думать о «революции», потому что построение справедливого общества, характеризующегося равным распределением природных и общественных богатств, может сократить доступ к технологическим инструментам, без которых мы больше не можем обходиться в жизни.

Как я буду постоянно подчеркивать в данной книге, занять критическую позицию в отношении некоторых аспектов политической теории Маркса – не значит отбросить его наследие или не суметь признать его значения. Сегодня мы также узнали, что Маркс и сам не всегда был уверен в своих теориях – возможно, именно поэтому он не опубликовал второй и третий тома «Капитала» при жизни и оставил несколько редакций своих сочинений⁴. Мы также знаем, что в поздние годы он пересмотрел свою концепцию пути к революции, согласившись в переписке с русскими народниками, что российскому пролетариату нет необходимости проходить через стадию капитализма для того, чтобы построить коммунизм, но что он может совершить переход к коммунистическому обществу на основе крестьянской общины, но при условии, что в Европе произойдет революция. В свои поздние годы, читая «Древнее общество» Льюиса Моргана, Маркс также научился ценить культуру и достижения народов, живших на доиндустриальной стадии, например коренных народов Америки⁵. Более того, в предисловии 1872 года к «Коммунистическому манифесту» он писал (совместно с Энгельсом), что вопреки их первоначальному мнению в 1848 году «Коммуна доказала, что „рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей“»⁶. То есть, вполне возможно, Маркс пересмотрел свое мнение о том, что рабочий класс может овладеть капиталистической технологией и приспособить ее для благих целей, а со временем, Маркс, возможно, понял бы значение феминизма, от которого часто отмахивался как от борьбы за буржуазные права.

Для нас же вызов состоит в том, чтобы представить себе, какой вклад реконструированный марксизм может внести в артикуляцию феминистской теории и феминистской политической программы. Второй том этой работы я собираюсь посвятить именно этому проекту. Здесь же я буду переосмысливать основные причины того, почему до сих пор было так трудно «поженить» марксизм и феминизм.

Статьи, которые я собрала в этом томе, включают материалы, написанные за долгий период: два – в середине 1970-х, остальные – за последние два десятилетия. Каждая статья, таким образом, представляет момент в развитии феминистского дискурса о Марксе и в то же время является попыткой ответить на вопрос, поставленный Шарзад Моджаб: как нам преодолеть «первое великое разделение в истории», соединить «два главных освободительных про-

³ Ленин В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: В 55 т. М.: Госполитиздат, 1958–1966. Т. 11. С. 37.

⁴ «В старости Маркса все больше одолевала сомнения касательно узости его концептуального аппарата, и он противился публикации второго и третьего томов „Капитала“, несмотря на давление со всех сторон» (Van der Linden M., Roth K. H. Beyond Marx. Theorizing the Global Labour Relations of the Twenty-First Century. Leiden: Brill, 2014. P. 7).

⁵ См.: Rosemont F. Karl Marx and the Iroquois // Arsenal: Surrealist Subversion. Chicago: Black Swan Press, 1989. P. 201–213.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М.: Политиздат, 1974. С. 4.

екта, марксизм и феминизм» и обеспечить «прорыв», которого требует политика сегодняшнего времени?⁷

Статьи «Контрпланирование из кухни» и «Капитал и левые», написанные в соавторстве с Николь Кокс, относятся к тому периоду моей жизни, когда я была активисткой движения за оплату домашнего труда и когда нашей основной задачей было, с одной стороны, ответить на критику левых, настаивавших на том, что работа по дому – это остаточный элемент капиталистического мира, а с другой стороны – ответить феминисткам-либертарианкам, описывавшим домашний труд идиллически как последний оплот построения семейных отношений, свободных от господства рынка и вмешательства государства. Полемический тон этих двух работ отражает интенсивность дебатов, вызванных нашими тезисами и вскоре подтолкнувших меня к тому, чтобы реконструировать историю капиталистического развития, отчасти за тем, чтобы объяснить происхождение домашнего труда и специфический характер гендерной дискриминации в капиталистическом обществе.

«Гендер и репродукция в „Капитале“ Маркса» была написана не так давно, частично стимулом для нее послужил новый интерес к Марксу со стороны феминизма, а частично – тенденция Маркса избегать любых отсылок к репродуктивному труду женщины и сведение им гендерного различия к различию в стоимости труда.

Статья «Маркс, феминизм и конструкция общин» была критическим ответом на теорию марксистов-автономистов о новой фазе развития капитализма, названной ими «когнитивным капитализмом», которая якобы осуществила предсказание Маркса о том, что капитализм создает условия для своего собственного преодоления. Если Антонио Негри и Майкл Хардт рассматривали цифровизацию труда как инструмент усиления автономии работников от капитала, я в своей статье делаю акцент на том, что цифровая технология сегодня разрушает то, что еще осталось от природного мира, создавая стимулы для добывающей промышленности, которая уничтожает экосистемы по всему миру.

Наконец, две последние главы книги, «Конструирование домашнего труда в Англии XIX века и патриархат заработной платы» и «Истоки и развитие сексуального труда в США и Британии», показывают потребность в расширении марксовских концепций планирования капитала и классовой борьбы. Обе главы исследуют начало новых инвестиций капитала в воспроизводство рабочей силы и новый интерес со стороны государства к регулированию семейных отношений и сексуальности в целях создания более продуктивного рабочего класса. Обе свидетельствуют о том, что, вопреки представлению Маркса, воспроизводство рабочей силы осуществляется не одним только рынком и что классовая борьба ведется не только на заводах, но и в наших телах, и это борьба не только между трудом и капиталом, но и внутри самого пролетариата, когда мужчины, особенно мужчины, получающие зарплату, соглашаются занимать внутри семьи и более широкого сообщества позицию представителей государства по отношению к женщинам.

⁷ *Mojab S. Marxism and Feminism. London: Zed Books, 2015. P. 18.*

1. Контрпланирование из кухни ⁸

Со времен Маркса стало ясно, что капитал правит и развивается при посредстве заработной платы. Но организациям рабочего класса не было ясно, они не предполагали то, что эксплуатация неоплачиваемых работников организуется точно так же, посредством заработной платы. Эта эксплуатация была еще более эффективной потому, что скрывалась ее, заработной платы, отсутствием. Что касается женщин, наш труд представляется личной услугой, остающейся за пределами капитала.

Мария-Роза Далла Коста и Сельма Джеймс, 1975 ⁹

Неслучайно, что в последние месяцы несколько левацких журналов опубликовали статьи с критикой движения «Заработная плата за домашний труд». Левые поняли, что этот подход может выйти за пределы «женского вопроса», поскольку он идет на разрыв с левой политикой, как прошлой, так и сегодняшней, в отношении как женщин, так и остального рабочего класса. В самом деле, сектантство левых, традиционно демонстрируемое ими в отношении к борьбе женщин, является следствием узкого понимания ими власти капитализма и того, в каком направлении должна развиваться наша борьба, чтобы эту власть сломить.

Ради «классовой борьбы» и «единого классового интереса» левые выбрали определенные секторы рабочего класса, посчитав их революционными субъектами, и обрекли остальных на роль простых попутчиков в той борьбе, которую эти секторы вели. *То есть левые воспроизвели в самих своих организационных и стратегических целях те же разделения рабочего класса, которые характерны для капиталистического разделения труда.* В данном случае, несмотря на разнообразие тактических позиций, левые оказались едины. Когда дело доходит до выбора революционных субъектов, сталинисты, троцкисты, анархо-либертарианцы, старые и новые левые – все они берутся за руки, чтобы образовать общий фронт, основанный на одних и тех же посылах.

⁸ Статья «Контрпланирование из кухни» первоначально была написана в качестве ответа на статью Кэрол Лопейт, опубликованную в журнале *Liberation*: Lopate C. Women and Pay for Housework // *Liberation*. Vol. 18. № 8. May–June 1974. P. 8–11. После того, как редакция журнала отказалась опубликовать наш ответ, он вместе со следующей статьей был издан в виде памфлета издательством Falling Wall Press в Бристоле: см. Federici S., Cox N. Counterplanning from the Kitchen: Wages for Housework: A Perspective on Capital and the Left. Bristol: Falling Wall Press, 1975. Затем эта статья была переиздана в работе: Federici S. Revolution at Point Zero: Housework, Reproduction, and Feminist Struggle. Oakland: PM Press, 2020.

⁹ Dalla Costa M., James S. The Power of Women and the Subversion of the Community. Bristol: Falling Wall Press, 1975. P. 27–28. Статья была переиздана в: Dalla Costa M. Women and the Subversion of the Community // A Mariarosa Dalla Costa Reader / Ed. C. Barbagallo. Oakland: PM Press, 2019.

Они предлагают нам «развитие»

Поскольку левые признали заработную плату в качестве границы между трудом и его отсутствием, производством и паразитизмом, огромный объем неоплачиваемого труда, выполняемого на дому для капитала женщинами, оказался за пределами их анализа и стратегии. Вся левая традиция – от Ленина до Грамши и далее – признавала «маргинальность» домашнего труда для воспроизводства капитала, а вместе с нею и маргинальность домохозяек для революционной борьбы. По мнению левых, женщины, будучи домохозяйками, страдают не от капиталистического развития, а от отсутствия такового. То есть получается, что наша проблема в том, что капитал не стал организовывать наши кухни и спальни, что повлекло двойное следствие: с одной стороны, выходит, мы работаем на докапиталистической стадии, а с другой, что бы мы ни делали на кухнях и в спальнях, это не имеет значения для перемен в обществе. Отсюда логичный вывод: если домашний труд осуществляется за пределами капитала, тогда наша борьба с ним никогда не приведет к его крушению.

Левые не задавались вопросом о том, почему капитал вообще допускает столь большой объем непроизводительного труда, ведь они были уверены в иррациональности капитала и его неспособности к планированию. Таким образом, из анализа, усматривающего причины угнетения женщин в их исключении из капиталистических отношений, выводится лишь одна стратегия – та, что требует нашего вступления в эти отношения, а не их разрушения. В этом смысле существует прямая связь между левацкой стратегией, предложенной женщинами, и стратегией, которую левые придумали для третьего мира. Левые хотят, чтобы женщины пошли работать на заводы, и точно так же они хотят того, чтобы фабрики наконец пришли в третий мир. В обоих случаях они предполагают, что «неразвитые» – то есть те из нас, кто не получает заработной платы и работает на более низком уровне технологического развития, – отстают от «настоящего рабочего класса», а потому догнать его мы можем только в том случае, если получим доступ к более развитой форме капиталистической эксплуатации, более значительной доле заводского труда. В обоих случаях борьба, предлагаемая левыми тем, кто не получает заработной платы – то есть «неразвитым» – это не борьба с капиталом, а борьба за более рационализированные и производительные формы капиталистического труда. В нашем случае они предлагают нам не только «право на труд» (как и всем рабочим), но и право на то, чтобы работать больше, то есть право на то, чтобы нас больше эксплуатировали.

Новое основание борьбы

Политическое основание движения «Заработная плата за домашний труд» состоит именно в отказе от этой капиталистической идеологии, которая приравнивает отсутствие оплаты и низкое технологическое развитие к политической отсталости и нехватке сил, предполагая, что предварительным условием нашей организованности является то, что сначала мы должны быть организованы капиталом. Это движение выражает наш отказ соглашаться с тем, что раз мы не получаем заработной платы или работаем на более низком технологическом уровне (эти два условия тесно связаны друг с другом), значит, наши потребности должны отличаться от потребностей всего остального рабочего класса. Мы отказываемся соглашаться с тем, что, хотя мужчина – работник автозавода может бороться с конвейером, нашей целью, если мы начинаем с кухонь мегаполисов или с кухонь и полей третьего мира, должен быть заводской труд, от которого рабочие по всему свету сегодня отказываются. Наш отказ от левацкой идеологии совпадает с нашим отказом от капиталистического развития как пути к свободе и, говоря конкретнее, с нашим отказом от капиталистических отношений, какую бы форму они ни принимали. Обязательным условием такого отказа является переопределение самого существа капитала и состава рабочего класса, то есть новая оценка классовых сил и классовых потребностей.

Следовательно, «Заработная плата за домашний труд» – не просто одно требование из многих; это политический взгляд, который позволяет раскрыть новое основание борьбы, сначала для женщин, а потом и для всего рабочего класса в целом¹⁰. Это следует подчеркнуть, поскольку сведение заработной платы за домашний труд к одному конкретному требованию – распространенный элемент критики левых, то есть способ дискредитировать этот труд, который избегает столкновения с поднятыми им политическими вопросами. В этом смысле статья Кэрол Лопейт «Женщины и оплата домашнего труда» – еще один пример такого подхода, искажения и уклонения. Само название – «Оплата домашнего труда» – показывает проблему в неверном свете. Оно заставляет забыть о том, что заработная плата – не просто деньги, но и главное выражение властного отношения между капиталом и рабочим классом. Показательно то, что Лопейт пришлось изобрести новую формулировку, чтобы обозначить позицию, которая в таких категориях никогда не могла быть выражена. Однако, возможно, это связано с тем, что она чувствует необходимость разделять «смутные представления»¹¹, с которыми она уверенно солидаризуется, считая их выражением нашего женского удела.

Более тонкий способ дискредитации движения «Заработная плата за домашний труд» состоит в утверждении, что этот взгляд импортирован из Италии, а потому не имеет значения для США, где женщины «работают»¹². Это еще один пример дезинформации. «Власть женщин и подрыв сообщества» – единственный источник, цитируемый Лопейт, – представляет международный контекст, в котором возник этот подход. Кроме того, выяснение географического происхождения движения «Заработная плата за домашний труд» не имеет значения на актуальной стадии международной интеграции капитала. Значение имеет ее политический генезис. *Он состоит в отказе определять труд и эксплуатацию только по наличию заработ-*

¹⁰ См.: Federici S. Wages against Housework. Bristol: Falling Wall Press, 1975; переиздано в: Federici S. Revolution at Point Zero. Housework, Reproduction, and Feminist Struggle. Oakland: PM Press, 2020.

¹¹ «Возможно, наши представления остаются несколько смутными. В конце концов, полное переупорядочивание пола и половых ролей и отношений не так-то просто описать» (Lopate C. Women and Pay for Housework. P. 11). Ни один работник никогда не получает оплаты за свой труд, он получает лишь (постоянно уменьшающуюся) долю такой оплаты. Это основополагающее качество наемного труда и капиталистической эксплуатации.

¹² «Требование платить за домашний труд пришло из Италии, где подавляющее большинство женщин во всех классах все еще сидят дома. В США более половины женщин работают» (Ibid. P. 9).

ной платы. А также в отказе от различия между женщинами, «которые работают», и «просто домохозяйками», каковое различие предполагает, что домашний труд – это не труд и что только в США женщины работают и борются, поскольку у многих из них есть вторая работа. Однако не признавать домашний труд женщин, так как он не оплачивается, – значит игнорировать то, что американский капитал был построен одновременно и на рабском труде и на наемном, и что он и по сей день развивается с опорой на неоплачиваемый труд миллионов женщин, мужчин и детей, работающих на полях, на кухнях, в тюрьмах в США и по всему свету.

Скрытый труд

Мы понимаем, что работа на капитал не обязательно дает зарплату, не начинается и не заканчивается у заводских ворот. Как только мы поднимаем голову от носков, которые штопаем, иготовки, которой занимаемся, чтобы посмотреть на весь наш рабочий день в целом, мы видим, что, хотя он и не оплачивается, наш труд производит самый ценный продукт капиталистического рынка, а именно рабочую силу. Домашний труд на самом деле – далеко не только уборка. Он обслуживает наемных работников физически, эмоционально и сексуально, подготавливая их к череде рабочих дней, за которые они получают заработную плату. Этот труд также является заботой о наших детях – будущих рабочих, – ведь он сопровождает их от рождения до школьных лет, гарантируя то, что они будут показывать те результаты, которые от них ждет капитализм. Это значит, что за каждым заводом, школой, офисом, шахтой скрывается труд миллионов женщин, которые тратят свои жизни на воспроизводство тех, кто работает на этих заводах, в этих школах, офисах или на шахтах¹³.

Доступность устойчивой и дисциплинированной рабочей силы – главное условие производства на любой стадии капиталистического развития. Вот почему даже сегодня и в развитых, и в «неразвитых» странах домашний труд и семья остаются столпами капиталистического производства. Условия нашего труда в разных странах разные. В некоторых мы вынуждены усиленно производить детей; в других нам говорят, что рожать не нужно, особенно если мы черные, если сидим на пособии или производим одних лишь «нарушителей спокойствия». В некоторых странах мы создаем неквалифицированную рабочую силу для работы на полях; в других – квалифицированных технических работников, однако в любой стране функция, выполняемая нами для капитала, остается одной и той же. Получение оплачиваемой работы никогда не освобождало нас от домашнего труда. Наличие двух работ означало лишь то, что у нас остается меньше времени и энергии на борьбу. Кроме того, независимо от того, работаем ли мы полную рабочую смену дома или за его пределами, замужем мы или нет, нам надо тратить долгие трудовые часы на то, чтобы воспроизводить нашу собственную рабочую силу, и нам известна специфическая тирания этой задачи, поскольку изящное платье или привлекательное прическа – вот условия получения работы, будь то на брачном рынке или на рынке наемной рабочей силы. А потому мы сомневаемся в том, что

в США школы, ясли, детские сады и телевидение действительно сняли с матерей значительную долю ответственности за детей, тогда как сокращение размера семьи и механизация домашнего труда означали то, что у домохозяйки может оставаться намного больше свободного времени¹⁴.

Да и вообще, детские сады или ясли никогда не высвобождали для нас никакого времени – лишь время для дополнительного труда. Что же до технологии, именно в США мы можем оценить разрыв между технологией социально доступной и той, которая просачивается на наши кухни. Именно отсутствие заработной платы определяет количество и качество получаемой нами технологии. «Если вам не платят почасово, по определенной ставке, всем напле-

¹³ Мария-Роза Далла Коста пишет: «Сообщество, по существу, – женское место, в том смысле, что в нем женщины присутствуют и в нем они прямо реализуют свой труд. Но завод – такое же место, где воплощается женский труд, хотя они там не присутствуют, но они вложили свой труд в мужчин, которые там работают. Точно так же школа воплощает труд женщин, которые не присутствуют в школе, однако они вложили свой труд в учеников, которые возвращаются каждый день в школу накормленными, ухоженными, в костюмах, отутюженными их матерями» (*Dalla Costa M. Community, Factory and School from the Woman's Viewpoint // L'Offensiva, Quaderni di Lotta Femminista. № 1. Torino: Musolini Editore, 1972. P. 67*).

¹⁴ Lopate C. Women and Pay for Housework. P. 9.

вать, сколько времени у вас уходит на труд»¹⁵. Так или иначе, ситуация в США доказывает, что ни технология, ни вторая работа не может освободить женщин от домашнего труда и что

Производство технического работника – задача столь же тяжелая, как и производство работника неквалифицированного, если между двумя этими задачами не стоит отказ женщин работать бесплатно, каков бы ни был технологический уровень этого труда, то есть отказ женщин жить ради производства детей, какие бы именно дети ни производились ими¹⁶.

Если мы говорим о том, что труд, выполняемый нами дома, – это капиталистическое производство, это не значит, что мы выражаем желание получить легитимацию в качестве части «производительных сил». Только с капиталистической точки зрения производительность может рассматриваться в качестве морального достоинства, если не сказать морального императива. С точки зрения рабочего класса производительность означает лишь возможность эксплуатации. «Быть производительным рабочим – вовсе не счастье, а проклятие»¹⁷. А потому мы не можем черпать «самоуважение» в производительности¹⁸. Но когда мы говорим, что домашний труд – который в первую очередь служит нам, женщинам, идентификацией, – является моментом капиталистического производства, мы проясняем саму нашу функцию в капиталистическом разделении труда и конкретные формы, которые должна принять наша с ним борьба. Наша сила определяется не тем, что кто-то признает наше место в цикле производства. Не производство, а способность его сдерживать – вот что всегда было решающим фактором в социальном распределении богатства. Когда мы говорим, что производим капитал, мы говорим, что хотим его уничтожить, а не вести безнадежное сражение за то, чтобы перейти от одной формы эксплуатации к другой.

Также мы должны прояснить то, что мы не «заимствуем категории у мира марксизма»¹⁹. Маркс, видимо, сам прямо никогда не анализировал домашний труд. Однако, в отличие от Лопейт, мы не так уж жаждем освободиться от Маркса, поскольку он дал нам возможности теоретического анализа, которые незаменимы для понимания того, как мы функционируем в капиталистическом обществе. Также мы подозреваем, что видимое равнодушие Маркса к домашнему труду могло быть связано с историческими факторами. Под этим мы понимаем не только определенное сродство с мужским шовинизмом, который Маркс разделял со своими современниками (и не только с ними). Во времена Маркса пролетарская семья, сосредоточенная на домашнем труде, еще не была создана. Маркс видел пролетарские сообщества, в которых женщины трудились на полную ставку – так же, как мужья и дети, поскольку каждый член семьи проводил по пятнадцать часов на фабрике или в других местах промышленного труда, и времени или места для «семейной жизни» просто не было. И только после того, как ужасные эпидемии и чрезмерный труд сократили численность рабочего класса, и, что самое важное, только после нескольких волн пролетарской борьбы, прокатившихся в 1830–1840-х годах по Европе и едва не завершившихся революцией, потребность в более устойчивой и дисциплинированной рабочей силе заставила капитал реконструировать семью рабочего класса. Семья, известная нам сегодня на Западе, которую ни в коем случае нельзя считать докапиталистической структурой, – это творение, созданное капиталом в его собственных целях, то есть в качестве института, который должен гарантировать количество и качество рабочей силы, а также

¹⁵ Dalla Costa M., James S. *The Power of Women*. P. 28–29.

¹⁶ Dalla Costa M. *Community, School and Factory from the Woman's Viewpoint*. P. 69; Dalla Costa M. *Quartiere, scuola e fabbrica dal punto di vista della donna // L'Offensiva, Quaderni di Lotta Femminista*. № 1, Musolini Editore, 1972. P. 23–33.

¹⁷ Маркс К. *Капитал*. Т. 1. С. 517.

¹⁸ «Вполне возможно, что женщины должны зарабатывать, чтобы достичь самостоятельности и самоуважения, которые суть первые шаги к равенству» (Lopate C. *Women and Pay for Housework*. P. 9).

¹⁹ Lopate C. *Women and Pay for Housework*. P. 11.

контроль за нею. «Подобно профсоюзу семья защищает рабочего, но также обеспечивает то, что он навсегда останется рабочим и только. Вот почему борьба женщины из рабочего класса с семьей имеет ключевое значение»²⁰.

²⁰ *Dalla Costa M. Women and the Subversion of the Community // Dalla Costa M., James S. The Power of Women and the Subversion of the Community. P. 41.*

Отсутствие у нас заработной платы как дисциплина

Семья – это, по сути, институционализация нашей неоплачиваемой работы, нашей неоплачиваемой зависимости от мужчин и, следовательно, институционализация разделения внутри рабочего класса, которое также дисциплинировало и самих мужчин. Дело в том, что отсутствие у нас заработной платы и наша экономическая зависимость – вот что удерживало мужчин на их рабочих местах, гарантируя то, что, всякий раз, когда они хотели отказаться от работы, им приходилось иметь дело с женой и детьми, зависевшими от них. Вот основание «старых привычек – мужских и наших», которые, как говорит Лопейт, так тяжело сломать. Неслучайно мужчине сложно попросить нестандартный график, чтобы он мог заниматься еще и уходом за детьми²¹. Одна из причин, по которым мужчины не могут договориться о частичной занятости, состоит в том, что заработная плата мужчины имеет ключевое значение для выживания семьи, даже когда женщина приносит в дом вторую зарплату. И если мы «обычно предпочитаем или находим менее требовательные работы, которые оставляют нам больше времени на уход за домом», причина в том, что мы сопротивляемся интенсивной эксплуатации²², то есть расходованию самих себя на заводе, за которым следует еще более быстрое расходование себя дома. Также мы знаем, что отсутствие у нас заработной платы за домашний труд – первичная причина нашей слабой позиции на рынке наемного труда. Неслучайно, что мы получаем наименее оплачиваемые рабочие места и что всякий раз, когда женщины проникают в тот или иной мужской сектор, зарплаты падают. Работодатели знают, что мы привыкли работать бесплатно и что мы хотим заработать хоть какие-то собственные деньги, а потому они могут нанимать нас за дешево. Кроме того, тот факт, что домашний труд не оплачивается, наделил эту социально навязанную работу видимостью естественности («женственности»), которая сказывается на всем, что мы делаем, где бы мы это ни делали. Поскольку домашний труд и женственность слились друг с другом, а «женское» стало синонимом «домохозяйки», мы переносим эту идентичность и «навыки уюта», приобретенные нами еще при рождении, на любое рабочее место, куда бы нас ни нанимали. Это означает, что дорога к заработной плате часто приводит нас к еще большему объему домашнего труда. Поэтому не нужно нам говорить, что главное – помнить, что мы – это определенный ПОЛ²³. Годами капитал говорил нам о том, что мы хороши только для секса и рождения детей. Такого половое разделение труда, и мы отказываемся его увековечивать, и именно о нем нам обязательно напоминают, когда мы спрашиваем: «Что, собственно, значит быть женщиной? Какие особые качества, если таковые есть, всегда и безо всяких исключений относятся к этой характеристике?»²⁴ Задавать такие вопросы – значит напрашиваться на сексистский и расистский ответ. Кто скажет, кто мы такие? Сегодня мы можем выяснить лишь то, кем мы не являемся, в той мере, в какой мы приобретем способность сломать навязанную нам идентичность. Именно правящий класс или же те, кто стремится править, предполагают естественную и вечную человеческую личность; ведь она увековечивает их власть над нами.

²¹ «Большая часть нас, женщин, которые в своей жизни боролись за подобную реструктуризацию, периодически впадали в отчаяние. Во-первых, надо было сломить старые привычки – мужские и наши. Во-вторых, были и реальные проблемы со временем... спросите любого мужчину, насколько сложно ему выбить неполный рабочий день или попросить нестандартное расписание, чтобы он мог заниматься еще и уходом за детьми!» (Ibid. P. 11).

²² Lopate C. Women and Pay for Housework. P. 11.

²³ «Главное – помнить о том, что мы – ПОЛ. Это на сей день единственное слово, придуманное для описания нашей общности» (Ibid).

²⁴ Ibid.

Прославление семьи

Неудивительно то, что поиски сущности женственности у Лопейт приводят ее к откровенному прославлению нашего неоплачиваемого труда дома:

Дом и семья традиционно создавали единственный зазор в капиталистической жизни, в котором люди могли удовлетворять нужды друг друга из любви или заботы, даже если часто они также удовлетворяются из страха или на основе господства. Родители заботятся о своих детях из чувства любви, по крайней мере в какой-то степени... Я даже думаю, что память об этом остается с нами навсегда, когда мы вырастаем, так что мы всегда храним утопическое воспоминание о труде и заботе, основанной на любви, а не на финансовом вознаграждении²⁵.

В работах женского движения показано удручающее воздействие этой любви, заботы и услужения на женщин. Все это цепи, которые привязали нас к положению, близко к рабству. Мы отказываемся возводить в утопию прозябание наших матерей и бабушек, как и наше собственное прозябание, испытанное в детстве! Когда государство не платит заработную плату, своими жизнями должны расплачиваться те, кого любят и о ком заботятся. Также мы отказываемся от идеи Лопейт о том, что требование финансового вознаграждения «привело бы лишь к тому, что еще больше заслонило бы для нас возможности свободного и неотчужденного труда»²⁶, ведь из этого следует, что скорейший способ сделать труд «неотчужденным» – работать бесплатно. Несомненно, класс капиталистов приветствовал бы такое предложение. Добровольный труд, на котором зиждется современное государство, основан именно на этой безвозмездной растрате нашего времени. Нам, однако, кажется, что, если бы наши матери, вместо того чтобы полагаться на любовь и заботу, получали финансовое вознаграждение, так не ожесточались, не были бы такими зависимыми, не подвергались бы шантажу, да и сами были бы менее склонны шантажировать собственных детей, которым постоянно напоминают о жертвах их матерей. У наших матерей было бы больше времени и сил, чтобы бороться против своего труда, и это вывело бы нас на более передовую стадию в этой борьбе.

Сущность капиталистической идеологии заключается в прославлении семьи как «частного мира», последней границы, где мужчины и женщины могут «сохранить нашу душу живой»²⁷, и поэтому неудивительно то, что эта идеология снова стала пользоваться популярностью среди капиталистических стратегов в наше собственное время «кризиса», «жесткой экономии» и «потрясений».

Как недавно заявил Рассел Бейкер в *New York Times*, «любовь сохранила наше тепло во время Депрессии, и нам стоило бы не забывать о ней и сегодня, когда мы снова вступаем в тяжелые времена»²⁸. Эта идеология, противопоставляющая семью (или сообщество) заводу, личное – социальному, частное – публичному, производительный труд – непроизводительному, работает на наше порабощение домом, которое в той мере, в какой оно остается неоплачиваемым, всегда представлялось актом любви. Эта идеология глубоко укоренена в капиталистическом разделении труда, которое одно из наиболее ярких своих выражений находит в организации нуклеарной семьи.

²⁵ Ibid. P. 10.

²⁶ «Устранение одной большой зоны капиталистической жизни, где транзакции не имеют меновой стоимости, привело бы к тому лишь, что заслонило от нас возможности свободного и неотчужденного труда» (Ibid).

²⁷ «Я полагаю, мы сохраняем нашу душу живой именно в наших частных мирах» (Ibid).

²⁸ См.: Baker R. Love and Potatoes // *New York Times*. November 25. 1974. P. 39.

Мистификация социальной функции семьи за счет заработной платы как особого отношения является расширением того, как капитал мистифицирует наемный труд и подчинение всех общественных отношений «узлу денег».

Маркс давно разъяснил то, что заработная плата скрывает весь тот неоплачиваемый труд, который уходит в прибыль. Однако измерение труда заработной платой скрывает также и то, в какой мере все наши общественные отношения были подчинены производственным отношениям, в какой мере любой момент нашей жизни работает на производство и воспроизводство капитала. Заработная плата (в том числе и ее отсутствие) позволила капиталу затемнить реальную длительность нашего рабочего дня. Работа представляется одним из разделов нашей жизни, который реализуется только в определенных зонах. Время, которое мы тратим на социальном заводе, готовя себя к труду или перемещаясь на работу, восстанавливая наши «мускулы, нервы, кости, мозг» перекусами, быстрым сексом, фильмами и т. д., – все это представляется досугом, свободным временем, личным выбором²⁹.

²⁹ Маркс К. Капитал. Т. 1. С. 585.

Разные рынки труда

Применение капиталом заработной платы затемняет сам состав рабочего класса и удовлетворяет потребность капитала разделять, чтобы править. Благодаря заработной плате как особому отношению капитал не только организовал разные рынки труда (рынки для черных, молодежи, женщин и белых мужчин), но также противопоставил «рабочий класс» «неработающему» пролетариату, который, как считается, паразитирует на труде первого. Когда мы получаем пособия, нам говорят, что мы живем на налогах «рабочего класса»; нас, домохозяек, постоянно изображают как прорву, в которую уходят зарплаты мужей. Однако в конечном счете социальная слабость не имеющих заработной платы – это слабость всего рабочего класса в отношении к капиталу. Как показывает история аутсорса производства, резерв неоплачиваемой рабочей силы и в «неразвитых» странах, и в метрополиях позволил капиталу уйти из тех областей, где рабочая сила сделала себя слишком дорогой; тем самым была подорвана власть, которой рабочие в них добились. Всякий раз, когда капитал не мог убежать в третий мир, он открывал ворота заводов женщинам, черным, молодежи или мигрантам из третьего мира. На самом деле неслучайно то, что, хотя капитал основан на наемном труде, более половины мирового населения все еще не получает заработной платы. Ее отсутствие и недостаточное развитие – важнейшие элементы капиталистического планирования как на национальном, так и на международном уровнях. Они представляются мощными инструментами, заставляющими рабочих конкурировать на национальном и международном рынке труда, внушая нам, что наши интересы различаются и противоречат друг другу. Вот основы идеологии сексизма, расизма и велфэризма (к неудовольствию тех рабочих, которым удалось получить какие-то деньги от государства), являющихся прямыми выражениями различных рынков труда, а потому и разных способов регулировать рабочий класс и разделять его³⁰. Если мы игнорируем это применение капиталистической идеологии и саму ее укорененность в заработной плате как отношении, мы не только кончим тем, что будем считать расизм, сексизм и велфэризм нравственными болезнями, плодом «плохого воспитания» и «ложного сознания», но и ограничимся стратегией «воспитания», которая не позволяет нам «отстаивать наше дело иначе, как при помощи моральных императивов»³¹.

Наконец, мы согласны с Лопейт, когда она говорит, что наша стратегия, покуда мы стремимся обрести свободу, снимает с нас необходимость опираться на «доброту» мужчин³². Как показала борьба черных в 60-х, их сообщества «дonesли» до других свои потребности не добрыми словами, а организацией своих сил. В нашем случае попытка воспитывать мужчин всегда означала, что наша борьба приватна, что она ведется в одиночестве наших кухонь и спален. Там мы не могли найти силы для противостояния капиталу. Сила – вот что воспитывает. Сначала мужчины будут бояться, а потом они будут учиться, поскольку бояться будет капитал. Мы не боремся за более справедливое распределение того же труда. Мы боремся за то, чтобы покончить с этим трудом, и первый шаг к этому состоит в том, чтобы назначить ему определенную цену.

³⁰ См.: James S. Sex, Race and Class. Bristol: Falling Wall Press, 1975 [1972].

³¹ Lopate C. Women and Pay for Housework. 11.

³² Ibid.

Требования заработной платы

Наша сила, сила женщин, начинается с общественной борьбы за заработную плату, но не за то, чтобы нас допустили к заработной плате как особому отношению (хотя нам и не платят, мы никогда не остаемся вне этого отношения), но чтобы нас выпустили, чтобы выпустили также и любой другой сектор рабочего класса. Здесь нам необходимо прояснить природу борьбы за заработную плату. Когда левые утверждают, что требования заработной платы являются «экономизмом» или «профсоюзными требованиями», они игнорируют то, что заработная плата, как и ее отсутствие, – это мера нашей эксплуатации и прямое выражение властного отношения между капиталом и рабочим классом, а также внутри самого рабочего класса. Также они игнорируют то, что борьба за заработную плату принимает многие формы и не ограничена ее увеличением. Сокращение рабочего времени, большее число или более высокое качество социальных услуг, а также большее количество денег – все это выигрыши в заработной плате, которые определяют, сколько именно нашего труда забирается у нас и сколько у нас власти над нашей собственной жизнью. Вот почему заработная плата была традиционной основой борьбы между рабочими и капиталом. Будучи выражением классовых отношений, она обладает двумя сторонами: стороной капитала, который использует ее, чтобы нас контролировать, гарантируя, что каждой прибавке, которой мы добились, будет соответствовать прирост производительности; и стороной рабочего класса, который все больше борется за большее количество денег, большую власть и меньший объем работы. Как доказывает сегодняшний капиталистический кризис, все меньше рабочих желают жертвовать своими жизнями ради капиталистического производства. Они все меньше откликаются на призыв повысить производительность. Однако когда «справедливый обмен» между заработной платой и производительностью нарушается, борьба за заработную плату становится прямой атакой на прибыль капитала и на его способность извлекать из нас прибавочный труд. Следовательно, *борьба за заработную плату в то же время является и борьбой против нее*, то есть борьбой за власть, выражаемую ею, и против капиталистического отношения, воплощенного в ней. В случае неоплачиваемых работников борьба за заработную плату – это еще более очевидная атака на капитал.

Заработная плата за домашний труд означает, что капитал будет должен платить за огромный объем социальных услуг, предоставляемых ныне женщинами. Самое главное, требовать зарплат за домашний труд – значит отказываться соглашаться с нашим трудом как биологической судьбой. На самом деле ничто не оказалось столь мощным фактором институционализации этого труда, как тот факт, что нашей платой всегда была не зарплата, а «любовь». Для нас, как и наемных работников, заработная плата – это не вопрос производительности. В обмен на заработную плату мы не будем работать больше, чем раньше. Мы хотим заработной платы, чтобы вернуть себе наше время и энергию, а не чтобы оказаться в ловушке второй работы, раз нам нужна финансовая независимость.

Наша борьба за заработную плату открывает и для наемных, и для неоплачиваемых работников вопрос о реальной длительности рабочего дня. На нынешний момент у рабочего класса, и у мужчин, и у женщин, рабочий день определялся капиталом – временем на проходной, где отмечают твое прибытие на работу и уход с нее. Так определялось время, когда мы принадлежали капиталу, и время, когда мы принадлежали себе. Но на самом деле мы себе никогда не принадлежали. Мы всегда принадлежали капиталу, каждое мгновение нашей жизни. И теперь пора заставить капитал заплатить за каждый такой момент.

Как заставить капитал платить

Это классовый взгляд, который выразил себя на улицах и в борьбе 60-х, и в США, и на международном уровне. В США борьба черных и матерей, получающих пособия, – то есть третьего мира метрополии – стала бунтом тех, кто не имеет заработной платы, против того, как их использовал капитал, и их отказом от единственной предложенной капиталом альтернативы, а именно того, чтобы трудиться еще больше. Эта борьба, силовой центр которой заключался в сообществе, была нацелена не на развитие, а на переприсвоение социального богатства, накопленного капиталом за счет как оплачиваемых, так и не оплачиваемых работников. В этом смысле она бросила фундаментальный вызов капиталистической организации общества, которая навязывает труд в качестве единственного условия того, что нам позволено жить. Также она поставила под вопрос левацкую догму, согласно которой рабочий класс может организовать свою власть только на заводах. Вам не нужно идти на завод, чтобы стать частью организации рабочего класса.

Когда Кэрл Лопейт говорит, что «предварительными идеологическими условиями солидарности рабочего класса являются сети и связи, возникающие из совместной работы» и что «эти условия не могут возникнуть у изолированных женщин, которые работают в разных домах»³³, она игнорирует ту действенную борьбу, которую эти «изолированные» женщины вели в 60-е. Кроме того, иллюзия – считать, будто капитал не разделяет нас, когда мы не работаем в изоляции, создаваемой нашими домами. Вопреки этим разделением мы должны организовываться соответственно с нашими потребностями. В этом смысле движение «Заработная плата за домашний труд» – это не только отказ от социализации завода, но в той же мере и отказ от рационализации и социализации капиталом дома. Мы на самом деле не считаем, что революцию можно свести к потребительскому отчету и хронометрическому исследованию, о котором говорит Лопейт:

Нам нужно серьезно рассмотреть задачи, которые «необходимы» для домохозяйства... нам нужно исследовать инструменты, позволяющие экономить время и силы, и решить, какие из них полезны, а какие служат причиной еще большей деградации домашнего труда³⁴.

Но мы деградируем не из-за технологии, а из-за того, как ее применяет капитал. Кроме того, «самоуправление» и «рабочий контроль» в доме существовали всегда. У нас всегда был выбор: устроить стирку в понедельник или в субботу, купить посудомойку или пылесос (если только они были нам по карману). Следовательно, мы не просим у капитала, чтобы он изменил природу нашего труда; мы боремся за то, чтобы отказаться воспроизводить себя и других в качестве рабочих, рабочей силы, товаров. Условием достижения этой цели является признание этой работы в качестве работы с заработной платой. Очевидно, пока заработная плата существует, будет существовать и капитал. Следовательно, мы не говорим, что получение заработной платы – это революция. Мы, однако, говорим, что это революционная стратегия, поскольку она подрывает роль, которая назначена нам в капиталистическом разделении труда, и поскольку она меняет властные отношения в рамках рабочего класса, создавая более благоприятные для нас и для рабочего класса в целом условия. Что касается финансовых аспектов требования заработной платы за домашний труд, они «весьма проблематичны» только в том случае, если мы занимаем точку зрения капитала и министерства финансов³⁵, которое

³³ Ibid.

³⁴ Ibid.

³⁵ Ibid.

при столкновении с рабочим классом всегда будет ссылаться на безденежье. Поскольку мы не министерство финансов и не стремимся им быть, мы не можем придумывать системы планирования выплат, дифференциалы в заработной плате или сделки по производительности. Не наше дело – ограничивать саму нашу власть. И не наше – мерить нашу ценность. Наше дело – бороться, чтобы получить то, чего мы хотим, все мы. Наша цель – быть бесценными, вывести нас самой нашей ценой за пределы рынка, чтобы домашний труд, заводской и офисный стали «неэкономными».

Точно так же мы отвергаем и аргумент о том, что наш будущий выигрыш придется оплачивать другим секторам рабочего класса. Согласно этой логике, мы могли бы, наоборот, сказать, что наемные работники оплачиваются теми деньгами, которые капитал не дает нам. Но так говорит государство. На самом деле, если кто-то говорит, что требования социального обеспечения, которые были выдвинуты черными в 60-е, оказали «крайне негативное воздействие на любую долгосрочную стратегию... и на отношения белых и черных», поскольку «рабочие знали, что в конечном счете оплачивать эти программы будут они, а не корпорации», это чистый расизм³⁶. Если же мы предполагаем, что всякая борьба неизбежно заканчивается перераспределением бедности, мы соглашаемся с поражением рабочего класса. Собственно, статья Лопейт и написана под знаком пораженчества, которое сводится к согласию с капиталистическими институтами как чем-то неизбежным. Так, Лопейт не может представить, как рабочие, стоит только капиталу попытаться понизить зарплату других рабочих, чтобы дать зарплату нам, смогут защищать и свои интересы, и наши. Также она считает, что «конечно, мужчины получили бы наибольшую заработную плату за работу дома», то есть мы никогда не победим³⁷. Она видит в домохозяйках бедных жертв, а потому не может представить, как мы могли бы организоваться коллективно, чтобы захлопнуть двери перед носом любого надсмотрщика, пытающегося проконтролировать наш труд.

³⁶ Ibid. P. 10.

³⁷ Ibid.

2. Капитал и левые ³⁸

С традиционной для них слепотой к динамике классовых движений левые проинтерпретировали конец определенной фазы женского движения в качестве конца движения как такового. А потому медленно, но верно они пытаются снова захватить ту политическую территорию, которую в 60-х вынужденно оставить.

В 60-е, когда женщины толпами выходили из левацких групп, левые должны были признать обоснованность феминистской автономии. Они неохотно, но все же допустили то, что женщины – тоже часть революции. Они готовы были даже бить себя в грудь, признавая сексизм, который недавно у себя обнаружили. Теперь же посреди того, что сами они считают похоронами феминизма, их голоса снова поднимаются, на этот раз чтобы вынести суждение о наших достижениях и недостатках. Их история кажется нам более чем знакомой. Говоря словами одного из этих самоназначенных феминистов, «женщинам тоже нужно социалистическое движение... и никакое движение, которое состоит только из женщин, не может этого заменить»³⁹. Это означает, что все было замечательно, пока оно действовало, однако в конечном счете они должны нас вести, а мы – делать то, что они хотят, чтобы восстановить правильную политическую линию.

³⁸ Первую версию этой статьи см. в: *Federici S. Capital and Gender // Reading «Capital» Today / Ed. Schmidt I., Fanelli C. London: Pluto Press, 2017.*

³⁹ *Zaretsky E. Socialist Politics and the Family // Socialist Revolution. 1974. Vol. 3. № 19. P. 83–98.*

Та же старая история

В этом, конечно, нет ничего нового. Нам опять говорят, что серьезная политика – не кухонная и что наша борьба за освобождение нас самих как женщин – за то, чтобы уничтожить нашу работу дома, наши отношения в семье, проституирование нашей сексуальности, – является определенно вторичной, в лучшем случае вспомогательной по отношению к «настоящей классовой борьбе на заводах». Неслучайно то, что по большей части современная левая полемика с феминистской автономией нацелена на отрицание того, что требование заработной платы за домашний труд является феминистской стратегией, а потому и стратегией рабочего класса.

Одна из вероятных причин этой критики заключается в том, что, если у женщин будут свои деньги, мужчины однажды обнаружат, что их кухни и спальни опустели. Однако более глубокая причина в том, что леваки не заинтересованы в нашем освобождении от домашнего труда, они лишь хотят сделать наш труд более эффективным. С их точки зрения, революция – это реорганизация капиталистического производства, которая позволит рационализировать нашу эксплуатацию, а не упразднит ее.

Вот почему, когда мы говорим об «отказе от труда», они тут же начинают беспокоиться о том, «кто же будет чистить улицы». И именно поэтому они всегда выбирают своих «революционных субъектов» из тех секторов рабочего класса, где труд более рационализирован. То есть, с их точки зрения, рабочие революционны не потому, что они борются с эксплуатацией, а потому, что они производители. То, насколько такая точка зрения не близка самим рабочим, можно понять по тому, сколько энергии левые тратят, когда упрекают их в отсутствии «классового сознания». Левые ужасаются тому, что рабочие, как оплачиваемые, так и без заработной платы, хотят больше денег и больше свободного времени для себя вместо того, чтобы думать о том, как бы рационализировать производство.

В нашем случае ясно одно. Левые кидаются на нашу борьбу, поскольку в качестве домохозяек мы не соответствуем той «производительной» роли, которую они назначили рабочему классу. Что именно это значит, хорошо сформулировано Уолли Секкомбом в его статье в *New Left Review*:

Революционная трансформация возможна только потому, что пролетариат прямо участвует в социализированном труде, а потому как класс является носителем предварительного условия социалистического способа производства. Пока труд домохозяек остается частным, они не способны предвосхитить новый порядок или направить производственные силы на слом старого⁴⁰.

Секкомб признает то, что во времена капиталистического кризиса (когда капитализм уже разваливается, вроде бы даже сам по себе) «мобилизация домохозяек» вокруг правильных инициатив (например, комитетов по контролю за ценами) может внести вклад в революционную борьбу. «В таких обстоятельствах, – пишет он, – бывает так, что объективно отстающие слои рабочего класса вырываются вперед». Однако фактом остается то, что «домохозяйки не смогут стать решающей движущей силой женской борьбы»⁴¹. Поскольку на международном уровне большинство женщин работают прежде всего в качестве домохозяек, такое замечание означает, что женщин следует исключить из революционного процесса.

⁴⁰ *Secombe W. The Housewife and Her Labour under Capitalism // New Left Review. 1974. № 83. P. 23.*

⁴¹ *Ibid. P. 24.*

Китайская модель

«Революционеры» не впервые отправляют нас обратно на кухню после завершения борьбы, на этот раз с обещанием «поучаствовать в домашнем труде». Причина, по которой сегодня этот процесс менее очевиден, состоит в том, что, в полном соответствии с планами капитала, та же рука, что заталкивает нас обратно домой, в то же время пытается вытолкнуть нас на заводы, чтобы мы «присоединились к ним в классовой борьбе» или, говоря точнее, приучили сами себя к нашей будущей роли в производстве⁴². Долгосрочный план, который они нам готовят, состоит в том, что сами они называют «китайской моделью» – это социализация и рационализация домашнего труда вкупе с самоуправлением и самоконтролем на заводах. Иными словами, немного больше завода дома (большая эффективность и производительность домашнего труда) и больше семьи на заводах (больше индивидуальной ответственности и идентификации с трудом). В обоих случаях левые смыкаются с утопиями, взлелеянными капиталистами.

Самоуправление и самоконтроль выражают капиталистическую попытку не только эксплуатировать рабочий класс, но также и заставить его участвовать в планировании его собственной эксплуатации. Неслучайно то, что капиталистические стратегии используют слово «отчуждение» едва ли не так же часто, как и левые, предлагая при этом те же самые паллиативные средства: «обогащение содержания труда», «рабочий контроль», «участие рабочих», «партиципативная демократия». Что касается социализации и рационализации домашнего труда (столовые, общежития и т. д.), капитал часто заигрывал с этой возможностью, поскольку в плане денег такая рационализация означала бы для него экономию.

В этом и заключался план в России, где ускорение воспроизводства рабочей силы для освобождения женских рук, требовавшихся заводам, стало одним из важнейших приоритетов после революции. И точно так же, как в мечтах левых, ориентиры, которых придерживались социалистические планировщики, сводились к «обществу производителей», в котором все служило бы производству. С этой точки зрения «дом-коммуна» с его коллективными кухнями, столовыми и туалетами представлялся лучшим решением, позволяющим сэкономить деньги, место, время и в то же время «поднять качество и производительность труда»⁴³. И лишь из-за упрямого сопротивления рабочих от этих проектов пришлось со временем отказаться⁴⁴. Анатолий Копп сообщает о том, как женщины, работавшие на конвейере в Новосибирске, требовали «хотя бы пяти квадратных метров, лишь бы это было их личное пространство». К 1930 году левые были вынуждены признать это:

Наступила пора разочарования в той якобы коммуне, которая отнимает у рабочего жилую площадь... Лжекоммуна, позволяющая рабочему ТОЛЬКО СПАТЬ в своем жилище, лжекоммуна, уменьшающая и площадь, и личные удобства (очередь на умывальник, в столовую, уборную, вешалку), начинает вызывать массовое беспокойство в рабочей среде⁴⁵.

С 1930-х годов советское государство стало поддерживать нуклеарную семью в качестве наиболее эффективного организма дисциплинирования рабочих и обеспечения рабочей

⁴² «Если мужчины могут быть заводским мясом, то почему не женщины... Если мы хотим занять наше место в мире, повлиять на его историю, мы должны оставить безопасные границы наших домов и отправиться на заводы... и помочь им взять власть в свои руки» (см.: Workers Fight. 1974. № 79. December. January 1975).

⁴³ См.: Копп А. *Città e Rivoluzione*. Milano: Feltrinelli, 1972 [1967]. P. 147. Источник цитаты: Куда итти? // Советская архитектура. 1930. № 1–2. С. 4.

⁴⁴ Ibid. P. 160.

⁴⁵ Ibid. P. 267.

силой, как и в Китае, несмотря на определенный уровень социализации. Так или иначе, русский эксперимент доказал, что когда цель – производство и труд, социализация домашнего труда может означать только дальнейшую регламентацию нашей жизни, о чем нам постоянно напоминает пример школ, больниц и бараков. Причем эта социализация никоим образом не устраняет семью, она лишь расширяет ее в форме «политических и культурных комитетов», которые действуют на уровне сообщества и завода, как в России и в Китае.

Если есть завод, капитал нуждается в семье или, говоря конкретнее, дисциплина последней определяется дисциплиной первого, и наоборот. Никто не рождается в этом мире рабочим. Вот почему в сердцевине капитализма мы всегда обнаруживаем прославление семейной жизни.

На Западе капитал многие годы занимался рационализацией и социализацией домашнего труда. Государство стало во все более существенном масштабе планировать размер, жилищные условия, жилую застройку, образование, полицию, обеспечение лекарствами и индоктринацию семьи. Его неудача является результатом восстания, которое помешало семье стать более продуктивной, а временами и просто делало ее контрпродуктивной. Левые долго жаловались на неспособность капитализма дисциплинировать семью. Еще в 1919 году товарищ Грамши писал:

Все эти элементы усложняют и очень затрудняют всякую регламентацию полового вопроса, всякую попытку создать новую половую этику, которая соответствовала бы новым методам производства и труда. С другой стороны, двигаться по направлению к такой регламентации и созданию новой этики необходимо... истина состоит в том, что новый тип человека, которого требует рационализация производства и труда, не сможет развиваться до тех пор, пока половой инстинкт не будет соответствующим образом урегулирован, не будет рационализирован, как и все остальное⁴⁶.

Сегодня левые осторожнее, но они не меньше горят желанием привязать нас к кухням, будь то в их актуальной или более рационализированной и производительной форме. Они не хотят уничтожать домашний труд, поскольку не хотят уничтожить и труд заводской. В нашем случае они хотели бы, чтобы мы работали и там и там. Здесь, однако, левые сталкиваются с той самой дилеммой, которая тревожит капитал: где женщины могут быть производительнее – на промышленном конвейере или конвейере деторождения? Мы нужны капиталу на заводах в качестве дешевой рабочей силы, чтобы заменить других, слишком дорогих, рабочих, но также мы нужны ему и дома, чтобы не пускать будущих смутьянов на улицу. Предположительная разница между троцкистами – согласно которым домашний труд это варварство, то есть все женщины должны отправиться на завод, – и либертарианцами, считающими, что домашний труд это и есть социализм, то есть ни за какой труд платить не нужно, – лишь в тактике, включенная в общую капиталистическую стратегию.

Либертарианцы утверждают, что домашний труд ускользает от социально-экономической категоризации: «Домашний труд женщин при капитализме не является ни производительным, ни непроизводительным»⁴⁷ (Лиза Фогель); «Возможно, мы должны признать, что домашний труд не является ни производством, ни потреблением»⁴⁸ (Кэрл Лопейт); «Домохозяйки являются и в то же время не являются частью рабочего класса»⁴⁹ (Эли Зарецки). Они выводят домашний труд за пределы капитала и утверждают, что это «общественно необходимый труд», поскольку полагают, что в той или иной форме он будет нужен и при социализме. Так,

⁴⁶ Грамши А. Американизм и фордизм // Грамши А. Избранные произведения: В 3 т. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. Т. 3. С. 433.

⁴⁷ Vogel L. The Earthly Family // Radical America. 1973. Vol. 7. № 4–5. P. 28.

⁴⁸ Lopate C. Women and Pay for Housework // Liberation. 1974. Vol. 18. № 9. P. 11.

⁴⁹ Zaretsky E. Socialist Politics and the Family. P. 89.

Лиза Фогель утверждает, что домашний труд – это первичный полезный труд и что он «в подходящих условиях может указать на будущее общество, в котором весь труд будет первично полезным»⁵⁰. Ей вторит представление Лопейт о семье как последнем прибежище, в котором мы «сохраняем нашу душу живой»⁵¹. Наиболее ярким выражением той же мысли является утверждение Зарецки о том, что «домохозяйки – неотъемлемая часть рабочего класса и его движения не потому, что они производят прибавочную стоимость, а потому, что они выполняют общественно необходимый труд»⁵².

В этом контексте мы не удивимся, услышав от Зарецки то, что

напряжение между [феминизмом и социализмом]... сохранится и в период социализма... [поскольку] с установлением социалистического режима классовый конфликт и социальные антагонизмы не исчезают, а, наоборот, часто проявляются в более четкой и острой форме⁵³.

Именно так. Если революция такого типа произойдет, мы первыми будем бороться с ней.

Когда левые день за днем предлагают то, что предлагает капитал, было бы безответственным не ответить на их слова возражением. Практически каждая левая группа выступила с обвинением, заявив, что требование заработной платы за домашний труд приведет к институализации женщин дома. И в то же время они бы радовались нашей институализации на заводах. В тот момент, когда движение за освобождение женщин дало власть женщинам, институализированным и дома, и на заводе, левые поспешили связать нашу подрывную силу еще одним институтом, необходимым капитализму, а именно профсоюзами. Сегодня это стало левой волной будущего.

Этим памфлетом мы хотим провести разграничительную линию между самими собой и левыми. Нож, которым проводится такая линия, является феминистским, однако он отделяет не мужчин от женщин, а технократию от рабочего класса, за которым она вознамерилась следить. Мы боялись раньше говорить об этом открыто, однако левые шантажировали нас обвинением в том, что если мы не за них, значит, за государство, так же как американское государство шантажировало бунтовщиков обвинением в коммунизме, а советское – обвинением в троцкизме.

Пора со всем этим распрощаться.

⁵⁰ Vogel L. The Earthly Family. P. 26.

⁵¹ Lopate C. Women and Pay for Housework. P. 10.

⁵² Zaretsky E. Socialist Politics and the Family. P. 89.

⁵³ Ibid. P. 83–84.

3. Гендер и воспроизводство в «Капитале» Маркса ⁵⁴

Постепенно оживляется интерес к марксизму и феминизму, взгляды Маркса на «гендер» снова привлекают внимание, а среди феминистов возникают некоторые зоны согласия, которыми и обусловлен мой подход к этой теме⁵⁵. В целом считается, что хотя в своих ранних работах Маркс обличал гендерное неравенство и патриархальный контроль над женщинами, особенно в буржуазной семье⁵⁶, «ему практически нечего было сказать о гендере и семье»⁵⁷. Если считать, что «гендер» означает властные отношения между женщинами и мужчинами, систему правил, на основе которых эти отношения конструируются и применяются, можно, опираясь на факты, сказать, что в таком определении «гендер» действительно не является предметом анализа в Марксовой критике политической экономии. Даже в своих главных работах, «Капитале» и «Экономическо-философских рукописях 1844 года», его мысли об этом предмете приходится извлекать из разрозненных наблюдений.

Тем не менее нет сомнений в том, что творчество Маркса внесло важнейший вклад в развитие феминистской теории. Отчасти я согласна с Мартой Гименес в том, что для феминисток важны не столько высказывания Маркса о женщинах, сколько его методология⁵⁸. Его исторический и материалистический метод помог нам деконструировать гендерные иерархии и идентичности, показав, что «человеческая природа» является продуктом социального действия⁵⁹, но, кроме этого, его анализ капитализма дал нам инструменты, позволяющие осмыслить специфические формы эксплуатации, которой женщины подвергаются в капиталистической организации производства, и отношение между «полом, расой и классом»⁶⁰. Однако то, как некоторые из нас стали применять Маркса, часто расходилось с намеренными им ориентирами.

Писать о гендере у Маркса – значит попытаться разобраться с двумя подходами к этой теме. С одной стороны, по ранним работам Маркса и первому тому «Капитала» разбросаны его комментарии, связанные с этим предметом; с другой, феминистки, использовавшие теории капиталистической эксплуатации труда в анализе женского труда и организации воспроизводства. Их попытки были направлены на укоренение феминизма в антикапиталистическом/классовом подходе. Соответственно, я разделила нижеследующий текст на две части. В первой я исследую взгляды Маркса на «гендер», как они могут быть выстроены на основе его анализа занятости женщин в промышленном труде в первом томе «Капитала». В этой части я также комментирую некоторые его умолчания, особенно об отношении женщин к домашнему труду. Я утверждаю, что Маркс не стал теоретизировать вопрос о домашнем труде, поскольку считал,

⁵⁴ Статья «Гендер и воспроизводство в „Капитале“ Маркса» первоначально была опубликована под названием «Капитал и гендер» в: Reading «Capital» Today / Eds. Schmidt I., Fanelli C. London: Pluto Press, 2017.

⁵⁵ Признаками возобновления интереса к Марксовой теории гендера является публикация таких работ, как: Brown H. A. Marx on Gender and the Family. London: Brill, 2012 и Marxism and Feminism // Ed. Mojab S. London: Pluto Press, 2015. Последняя была опубликована в связи с конференцией по этой теме, организованной Фондом Розы Люксембург в том же году в Берлине; см. также: Giménez M. E. Marx, Women and Capitalist Social Reproduction. Chicago: Haymarket, 2018.

⁵⁶ В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс, вторя Шарлю Фурье, утверждал, что отношение мужчины и женщины является мерой общественного прогресса; оно говорит нам о том, в какой мере человек гуманизировал свою природу. В «Немецкой идеологии» он говорил о «рабстве, в скрытом виде существующем в семье», где оно основывается на присвоении отцом труда женщин и детей. В своем переводе статьи Жака Пеше «О самоубийстве» он показал разрушительное воздействие буржуазной морали на жизнь женщин, тогда как в «Манифесте Коммунистической партии» он высмеивал буржуазную семью, доказывая, что она построена на адюльтере, в рамках которой женщины служили лишь для передачи частной собственности.

⁵⁷ Brown H. A. Marx on Gender and the Family. P. 143; см. Также: Haug F. The Marx within Feminism // Marxism and Feminism / Ed. S. Mojab. P. 76–101. Хауг пишет: «Анализ Маркса примечателен пустотой и молчанием о вопросе женщин» (Ibid. P. 81).

⁵⁸ Giménez M. E. Marx, Women and Capitalist Social Reproduction. P. 247.

⁵⁹ Holmstrom N. A Marxist Theory of Women's Nature // Ethics. Vol. 94, № 3. 1984. P. 456–473.

⁶⁰ Цит. по: James S. Sex, Race and Class. Bristol: Falling Wall Press, 1975.

что с развитием промышленного производства занятость женщин в нем вырастет, и также он не смог понять стратегическое значение репродуктивного труда во всех его различных измерениях (домашнего труда, сексуального труда, рождения детей) для воспроизводства рабочей силы и в качестве территории борьбы рабочего класса.

Это означало, что, несмотря на осуждение Марксом патриархальных отношений, он оставил нам в наследство анализ капитала и класса с мужской точки зрения – точки зрения «рабочего», преимущественного белого промышленного рабочего, от имени которого и был создан Первый интернационал и чьи интересы он считает интересами каждого сектора пролетариата. Также это означало, что многие марксисты, опиравшиеся на этот анализ, считали оправданным взгляд на гендер как на «культурный» вопрос, отделенный от материальных условий капиталистической организации труда. Поэтому они смотрели на феминисток с подозрением, часто обвиняя их в том, что они сеют раздор среди рабочего класса. Соответственно, как и в случае антиколониального движения, феминистское движение начало строить свои теории с критики Маркса, и следствия этого мы все еще продолжаем выяснять.

Во второй части я пересматриваю эту критику, первоначально развитую теоретиками движения «Заработная плата за домашний труд», в котором я участвовала⁶¹. Я утверждаю, что, поскольку мы прочитываем анализ капитализма у Маркса «политически»⁶², мы можем расширить Марксову теорию социального воспроизводства, сделав ее основанием феминистской теории, ориентированной на переопределение домашнего труда в качестве деятельности, которая производит «рабочую силу», а потому является ключевым условием капиталистического производства и накопления богатства. Чтение Маркса с точки зрения, определенной отказом от домашнего труда и «домашности», показало нам пределы теоретического аппарата Маркса. Также оно доказало, что, хотя феминистки не могут игнорировать его работы, пока капитализм остается господствующим способом производства, существуют такие аспекты его политической теории, которые мы принять не можем, особенно связанные с его понятием труда и его представлением о том, кто может считаться рабочим и революционным субъектом.

⁶¹ К числу классических работ движения «Заработная плата за домашний труд» относятся: *Dalla Costa M. Women and the Subversion of the Community* // *Dalla Costa M., James S. The Power of Women and the Subversion of the Community*. Bristol: Falling Wall Press, 1975; *James S. Sex, Race and Class*; *Fortunati L. The Arcane of Reproduction: Housework, Prostitution, Labor and Capital*. Brooklyn: Autonomedia, 1995 [1981]. Историю нью-йоркского отделения движения см. в: *The New York Wages for Housework Committee: History, Theory, Documents, 1972–1977* // Eds. Federici S., Austin A. Brooklyn: Autonomedia, 2019.

⁶² Источник: *Cleaver H. Reading Capital Politically*. Leeds: Anti/Thesis, 2000 [1979].

Маркс и гендер в промышленном цеху

Марксова концепция «гендера» яснее всего выделяется в первом томе «Капитала», где он впервые исследовал женский труд на заводах, шахтах, в сельских «артелях» в период промышленной революции. В те времена на обеих сторонах Ла-Манша обсуждался «женский вопрос», поскольку экономисты, политики и филантропы винили заводской труд женщин в том, что он уничтожил семью, сделал женщин чрезмерно независимыми, отнял у мужчин их привилегии и поспособствовал протестам рабочих⁶³. Во Франции положение фабричной работницы, или «l'ouvrière», вышло

на первый план в обсуждениях морали, экономической организации и ситуации рабочего класса. Также оно связало вопросы политической экономии с широкой дискуссией о женщинах, разгоревшейся в тот период⁶⁴

⁶³ О споре о последствиях промышленного труда женщин как «женском вопросе» в Англии XIX века см.: *Lown J. Women and Industrialization: Gender at Work in Nineteenth-Century England*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1990. P. 1–4, 131, 213–218. О тех же спорах во Франции см.: *Scott J. W. Gender and the Politics of History*. New York: Columbia University Press, 1988. P. 139–166.

⁶⁴ *Scott J. W. Gender and the Politics of History*. P. 140.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.